

**ФИЛОЛОГИЯ. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**
**PHILOLOGY. RUSSIAN LITERATURE AND LITERATURE OF THE
PEOPLES OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Научная статья
УДК 82.09

Филологические науки
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.1.36-46>

СМЕРТЬ-УХОД В ЗЕРКАЛЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XI–XXI ВЕКОВ
Н.Г. Махинина¹, Л.Х. Насрутдинова²

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

¹mahinin@rambler.ru, <http://orcid.org/0000-0003-3239-2726>

²Lilija_nasrutdin@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-5406-7636>

Аннотация. В статье исследуется, как традиционные для русской средневековой ментальности представления о смерти-уходе трансформируются в литературе второй половины XX – начала XXI века, что позволяет обозначить изменения в современном общественном сознании. В статье выявляется, что образ смерти-ухода характерен для древнерусской, в частности житийной традиции, основывающейся на идеях православия. Продолженная в литературе XIX века, эта традиция актуализируется далее в середине XX века, в творчестве писателей, переживших Вторую мировую войну, в частности Ю. Казакова, в сознании которого происходит борьба противоположных представлений о смерти. Осмысленное принятие смерти становится характерным для писателей, представляющих линию деревенской прозы второй половины XX века. Усиление натуралистических и постмодернистских тенденций в литературе конца XX века лишает образ смерти ореола сакральности. Однако наряду с этим присутствует возвращение к житийной традиции, например, в прозе М. Палей, в рамках которой смерть-уход вновь предстает как мерило нравственной оценки героев. Материалы статьи могут быть полезными в теоретическом аспекте: для дальнейшей разработки методов междисциплинарного анализа сущностных феноменов человеческого бытия.

Ключевые слова: танатология; образ смерти-ухода; древнерусская литература; русская литература XX–XXI веков; «деревенская проза»; «натуралистический реализм»; постмодернизм

Для цитирования: Махинина Н.Г., Насрутдинова Л.Х. Смерть-уход в зеркале русской литературы XI–XXI веков. *Казанский лингвистический журнал*. 2023;6(1): 36–46. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.1.36-46>

Original article

Philology studies
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.1.36-46>

**DEATH AS “DEPARTURE” IN RUSSIAN LITERATURE OF THE XI–XXI
CENTURIES**

N.G. Makhinina¹, L.H. Nasrutdinova²

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia

¹mahinin@rambler.ru, <http://orcid.org/0000-0003-3239-2726>

²Lilija_nasrutdin@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-5406-7636>

Abstract. The article examines how the idea of death as “departure”, being typical for the Russian medieval mentality, was transformed in Russian literature of the second half of the XX – beginning of the XXI century. It allows us to identify changes in modern public consciousness. The article reveals that the idea of death as “departure” is characteristic of the Old Russian literature, and, in particular, of the hagiographic tradition based on the ideas of Orthodoxy. Continued in the literature of the XIX century, this tradition gained newfound relevance in the middle of the XX cen-

ture in the works of authors who survived the Second World War, in particular, Y. Kazakov, in whose mind there is a struggle of opposing ideas about death. A meaningful acceptance of death is distinctive for the authors representing so-called “village” prose of the second half of the XX century. The strengthening of naturalistic and postmodern trends in the literature of the late XX century deprives the image of death of the aura of sacredness. However, along with this, there is a return to the hagiographic tradition, for example, in the prose of M. Paley, in which death as “departure” appears as a measure of the moral assessment of characters again. The article can be useful in the theoretical aspect for further development of methods of interdisciplinary analysis of essential phenomena of human existence.

Keywords: thanatology; the idea of death as “departure”; Old Russian literature; Russian literature of the XX–XXI centuries; “village” prose; “naturalistic realism”; postmodernism

For citation: Makhinina N.G., Nasrutdinova L.H. Death-departure in the Mirror of Russian Literature of the XI–XXI centuries. *Kazan Linguistic Journal*. 2023;6(1): 36–46. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.1.36-46>

В числе причин, оказывающих влияние на процесс переосмысления феномена смерти сегодня, можно обозначить трансформацию характера религиозности, которая перерастает в мистическую настроенность, не определяющую мышление и поведение человека; изменение количественного соотношения поколений, выразившееся в «постарении» населения Земли; усложнившиеся взаимоотношения между индивидуальным и массовым сознанием человека.

Эволюция идеи смерти в общественном сознании находит отражение в том числе и в литературе. Р.Л. Красильников, в статьях, диссертации и монографии которого многосторонне исследуется этот аспект, справедливо указывает: «Художественная литература является одним из основных источников танатологической информации; <...> она позволяет услышать отголоски танатологического опыта прошлых поколений, примерить на себя различные модели отношения к смерти и потустороннему миру» [1, с. 5–6].

В русской культурной традиции сложилось два типа отношения к смерти. Первый тип глубоко укоренен в православии, отстаивавшем идею воскресения человека после Страшного Суда. Она предполагала не только то, что подлинная жизнь христианина впереди, в загробном мире, но и религиозное освящение мирской жизни. Вторая линия размышлений о смерти – акцентирование в ней трагического начала, связанное с поисками смысла земного существования уникальной человеческой жизни, исчезновение которой не восполняется бес-

смертием безличной души. В статье К.Г. Исупова «Русская философия смерти (XVIII–XX вв.)» первый тип отношения к смерти связывается с творчеством А.С. Пушкина и Л.Н. Толстого, размышлявших о «религии смерти», являющейся необходимым условием нравственной жизни. Воплощением трагического восприятия смерти, по его мнению, становятся произведения Ф.И. Тютчева и Ф.М. Достоевского [2, с. 106].

Описание смерти или поведения человека в момент смерти являлись в древнерусской литературе одним из важнейших принципов его изображения, потому как отношение к ней было мерилom человеческой личности. Наиболее интересной для рассмотрения представляется форма описания смерти, которую мы условно обозначаем как «уход» и которая является наиболее органичной для житийного текста в его каноническом варианте. Как правило, для смерти-«ухода» характерно предвидение даты смерти, сознательная подготовка к ней и подробное описание перехода из одного состояния в другое. Но главное – это спокойное и радостное принятие смерти человеком, исполнившим своё земное предназначение.

В XX веке усиливается трагический акцент в осмыслении смерти, поэтому ее восприятие включает в себя сопряжение образов смерти-ухода и смерти-катастрофы.

Такое сопряжение проявляется, например, в творчестве Ю.П. Казакова. Военное детство, казалось бы, должно было сформировать тяготение писателя к осмыслению смерти в ее катастрофической сущности. И действительно, именно так интерпретируется этот образ в раннем незавершенном рассказе конца 1950-х годов с символическим названием «Пропасть», в котором счастье внезапной влюбленности должно быть разрушено вмешательством смерти. Однако в другом раннем произведении Ю. Казакова «Смерть, где жало твое?» смертельно заболевший герой задумывается об истинном смысле человеческого бытия именно в ракурсе общего существования людей. Фабульная ситуация рассказа, с одной стороны, во многом ориентирована на традиционный для рус-

ской ментальности православно-этический характер осмысления жизни человека как «школы смерти». Однако само название – измененная строка из ветхозаветной книги Пророка Осии, в которой говорится о преодолении смерти, – свидетельствует о том, что писатель обозначает вектор размышлений о смерти, ставший характерным в этот период для определенной части общества. Это восприятие смерти через призму существования человечества в целом.

В рассказе «Во сне ты горько плакал» в трагических раздумьях о последнем пределе человеческого существования причины возникающих время от времени «надломов» (появление чувства страха смерти и бессмысленности жизни) повествователь усматривает в изначальной «надломленности» сознания еще в поре нежного младенчества. Две контрастные темы – гармония младенчества и дисгармония взрослой жизни в рассказе – сложно взаимодействуют между собой, утверждая своеобразное «равенство» жизни и смерти. Воспоминания о самоубийстве друга чередуются с описаниями эпизодов чудесной прогулки отца с маленьким сыном. И только в финале горький внешне беспричинный плач ребенка во сне «соединяет» в сознании рассказчика два этих начала. Таким образом, здесь вновь акцентируется не столько глубоко личностное переживание смерти как подготовки к некоему иному уровню существования, сколько идея необходимости размышления о ней. Обнаруживается стремление Ю. Казакова осмыслить мир через призму так называемой «внутренней религиозности».

Представляется важным и тот факт, что осмысленное, «уважительное» отношение к смерти, как к своей собственной, так и другого человека, обнаруживается прежде всего в произведениях писателей-«деревенщиков».

Так, в рассказе В.М. Шукшина «Как помирал старик» умирающий, хотя и отказывается собороваться, тем не менее, предчувствуя свою скорую смерть, пытается подготовиться к ней надлежащим образом, чтобы не только самому достойно встретить ее, но и избавить от лишних хлопот своих близких. Старик переживает, что смерть настигла его зимой, когда будет сложно найти могиль-

щика. Он беспокоится, и о том, как его жена будет «доживать» без него, и о будущеммышленного внука.

Вообще в рассказах В.М. Шукшина смерть предстает как некая объединяющая и очистительная сила. Даже если умирающий уходит из жизни мучительно, как Ефим, герой рассказа «Заревой дождь», она словно стирает все прежние обиды, социальные и политические противоречия. Так, узнав о болезни односельчанина, под окно его палаты приходит Кирька, которого Ефим когда-то раскулачил и выслал из родных мест. Показательно, что Кирька приходит не позлорадствовать, он хочет понять человека, чьи поступки и их мотивы всегда были для него загадкой, и с удивлением отмечает, что если когда-то он и мечтал отомстить за свою сломанную судьбу, то теперь остается лишь сострадание и сожаление, что ему так и не суждено понять и узнать Ефима. Показательно, что после смерти односельчанина Кирька уходит от больницы, позабыв надеть снятую шапку, что символически подчеркивает сакральность свершившегося события. Более того, неожиданно пошел дождь, словно сама природа оплакивала усопшего. К тому же дождь в знаковые моменты человеческого существования считается добрым знаком.

В отличие от «деревенской прозы», в «городских повестях», написанных в тот же период, в 1970–1980-е годы, смерть утрачивает свою сакральность. Например, герой повести Ю.В. Трифонова «Обмен» Дмитриев, присутствуя на панихиде, неожиданно обнаруживает, что не способен полностью проникнуться духом происходящего события: его мысли постоянно возвращаются к оставленному в гардеробе портфелю, в котором лежат дефицитные консервы. Показательно, что он беспокоится за сохранность консервов, стоя у гроба деда, который много сделал для того, чтобы воспитать его достойным человеком, и которого Дмитриев, по его собственному признанию, искренно любил.

Подобные эпизоды позволяют сделать вывод не только о дегуманизации общественного сознания к концу XX века, но и о трансформации отношения к смерти и семантического наполнения этого события. В прозе же конца XX –

начала XXI веков смерть окончательно утрачивает ореол сакральности и зачастую предстает как обыденное событие, едва ли не как зрелище.

Например, в «сабуровской трилогии» А.М. Мелихова изображены две ситуации, когда смерть отдельного человека волей случая выносится на публичное обозрение. В романе «Так говорил Сабуров» широкий резонанс получает трагическая гибель одинокого старика, принимавшего ванну, в то время как загорелась его обширная библиотека. Если Андрей Сабуров приходит на пепелище, поскольку воспринимает это событие как нечто средневековое, размышляет о том, каким же должен был быть при жизни человек, который был «удостоен чести» сгореть на костре из собственных книг, то большинство любопытных было привлечено на пепелище слухами об антиквариате, которым была обставлена квартира чудаковатого старика.

В другом романе трилогии, «Горбатые атланты», внимание любопытных привлекает смерть человека, попытавшегося проникнуть в квартиру через балкон и сорвавшегося вниз. Этот эпизод увиден глазами Натальи Сабуровой, которая потрясена не столько зрелищем самой смерти, сколько всеобщим равнодушием. Конечно, ситуации, когда толпа воспринимает чужую смерть как возможность удовлетворения жажды зрелищ, нередки и в русской классической литературе. Вспомним, например, сцены смерти Мармеладова и Катерины Ивановны в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»: оба эти события происходят на оживленных улицах при большом скоплении зевак. Однако в контексте авторской позиции эти ситуации предстают как глубоко трагические, в современной же прозе душевная энтропия предстает как норма человеческого существования. И в романе А.М. Мелихова своеобразным портретом этого обездушенного мира становится девочка-подросток, ласково трущая щекой о головку кошечки, сидящей на ее плече, и взвешивающая при этом на разбрызганные по крышке канализационного люка мозги.

Схожую ситуацию можно обнаружить и в творчестве другого современного автора – А.В. Дмитриева. Так, в повести «Воскобоев и Елизавета» главная

героиня после трагической гибели мужа, гораздо больше обеспокоена необходимостью срочно починить взорванную им входную дверь, чем организацией похорон. В другой повести А.В. Дмитриева, «Крестьянин и тинейджер» в качестве замечательного средства для лечения язв на ногах называется мыло, которым недавно обмывали покойника.

Таким образом, в современной прозе смерть превращается не просто в обыденное, а в утилитарное событие. В связи с этим уместно обратить внимание на то, в какую словесную форму облакает свое размышление о жилищной ситуации в семье повествовательница в повести М.А. Палей «Евгеша и Аннушка»: «Нарушен естественный порядок смены поколений, старые деревья губят подлесок, подлесок губит старые деревья<...>. Кто-то должен выбыть из этого противоестественного симбиоза...» [3, с. 112]. Сухая, естественнонаучная лексика подчеркивает будничность отношения к смерти. А в романе Ю.Е. Ряшенцева «В Маковниках. И больше нигде» сидящие у подъезда старушки обсуждают, что лучше: сжигаться или закапываться.

Возможно, причиной десакрализации пограничных ситуаций в жизни человека становится актуализация натуралистических тенденций в литературе и, шире, искусстве конца XX века, ведь в контексте физиологического подхода к человеческому существованию смерть предстает не как исключительное событие, а как одно из проявлений жизнедеятельности любого живого организма.

Отметим, что в числе авторов, принадлежащих к течению «натуралистический реализм», немало молодых людей, участвовавших в боевых действиях. Можно предположить, что сцены массового уничтожения наложили отпечаток на мировидение и мировосприятие этих авторов.

Например, в романе О.Н. Ермакова «Знак зверя» герой, благодаря своим незаурядным математическим способностям ставший на войне корректировщиком артиллерийского орудия, находит изощренное удовольствие в том, что от него зависят жизни и смерти других людей. Символично, что его позывной, изначально образованный как сокращение его фамилии, Черепанов, – «Череп» –

постепенно становится отражением его сущности. В финале романа герой способен, не задумываясь, стрелять в новобранцев, в ужасе бегущих с поля боя. Более того, он убивает и своего друга детства, названного брата, лишь за то что он считает эту ситуацию противоестественной.

Кощунственное отношение к смерти особенно очевидно в произведениях, обращенных к исследованию жизни вне войны. Так, кульминацией романа О.О. Павлова «Казенная сказка» становится смерть коменданта Хабарова, которого его подчиненные, ожидающие денежного довольствия, силой заставили идти в соседний город в сильный буран. В данном случае ужасна не столько бессмысленная смерть, сколько отношение к ней: длительного отсутствия Хабарова никто и не заметил, опомнились только тогда, когда получку все же привезли, а коменданта не оказалось. Причем испугались его подчиненные не за Хабарова, а того, что деньги им без него не выдадут. Апофеозом жестокости становится сцена транспортировки мертвого тела: его затолкали в деревянную бочку и покатали по земле, потому что так легче, чем нести на руках, а транспорт по снежным заносам не пройдет.

Еще одной причиной десакрализации ситуации смерти в прозе конца XX – начала XXI веков можно считать тот факт, что современное искусство существует в ситуации постмодерна, для которого, с одной стороны, характерен релятивизм, сомнение в существовании каких бы то ни было ценностей, с другой – провозглашение смерти героя (и автора) автоматически снимает и проблему бытия / небытия как таковую.

В современной прозе «размывается» граница между жизнью и смертью. Во-первых, герои, не обретя достойной цели существования, нередко задумываются о возможности самоубийства или даже совершают его, как Наследник Сабурова-старшего в романе А.М. Мелихова «Так говорил Сабуров». Во-вторых, обессмысленное существование оборачивается духовной и интеллектуальной смертью, превращаются в некий «вечный сон», в ритуализированное бытие; это, например, происходит с Сабуровым-младшим в романе А.М. Мели-

хова «Горбатые атланты». В-третьих, в современной прозе нередки ситуации, когда уже умершие герои возвращаются в мир живых (подробнее об этом смотри: [4]). В результате сама ситуация смерти утрачивает свою определенность и однозначность, ее проявления усматриваются даже в самых безобидных жизненных реалиях.

Отметим, что, несмотря на буднично-циничное отношение к смерти, возможность собственного «ухода» все же страшит героев современной прозы. Причем страх смерти принимает порой причудливые формы: например, героиня повести М.А. Палей «Поминование» с детства испытывала неприязнь к имени Клава, в котором ей чудилось «квакающее позевывание черепа» [3, с. 40].

Современные авторы выводят на страницах своих произведений и героев, для которых свойственно спокойно-умиротворенное христианское отношение к собственному уходу. Так, в повести М.А. Палей «Евгеша и Аннушка» одна из соседок главной героини по коммунальной квартире начала постепенно отстраняться от суетности обыденной жизни задолго до своей смерти. Для Аннушки важно не омрачить последние дни своего жизненного пути мелочными заботами о себе, о своем теле. Таким образом, она в определенной степени приближается к модели поведения, характерной для героев древнерусской литературы, к их сознательной аскезе. Показательно, что после смерти Аннушки повествовательница называет ее праведницей.

Еще более ощутимы переключки с ценностно-смысловой и сюжетно-мотивной структурой житийных произведений в романах А.М. Мелихова «Так говорил Сабуров» и А.В. Дмитриева «Крестьянин и тинейджер». Для героев обоих произведений характерно сознательное отстранение от типичного для их времени образа жизни. Сабуров, дворянин по происхождению, посвящает свою жизнь обустройству существования бывших каторжников. Панюкова же сельские жители считают чуть ли не юродивым, поскольку он не пьет и не курит, не стремится к материальному обогащению. Обоим героям свойственно и своеобразное отшельничество: Панюков всю свою жизнь прожил на выселках, ничуть

не тяготясь одиночеством, а Сабуров строит свой утопический мир на острове посреди океана. Интересно также, что Панюков воспитан матерью по канонам старообрядцев, что, вкупе с мучающим его нестерпимым зудом в ногах, заставляет вспомнить о протопопе Аввакуме. Переключки с житием опального протопопа можно обнаружить и в романе «Так говорил Сабуров»: главный герой, увлекшись работой, часто не замечал, что его ступни кусают мелкие рачки. Особость этих героев проявляется и в том, что они четко осознают, в чем заключался смысл их существования, а потому готовы принять смерть без страха и ропота.

Итак, на протяжении десяти столетий существования русской литературы обращение к ситуации смерти позволяло авторам увидеть истинную сущность человека и оценить значимость его существования. Возможность рассмотрения искусства как репрезентации общественного сознания позволяет утверждать, что трансформация мотива смерти в литературе второй половины XX – начала XXI века обусловлена не только утратой христианских ценностей, но и дегуманизацией человечества в целом, непониманием истинного смысла человеческого существования.

Список литературы

1. Красильников Р.Л. *Танатологические мотивы в художественной литературе*: дис. ... докт. филол. наук. М.; 2011.
2. Исупов К.Г. Русская философская танатология. *Вопросы философии*. 1994; 3: 104–116.
3. Палей М. *Месторождение ветра: Повести и рассказы*. СПб.: Лимбус Пресс; 1998.
4. Насрутдинова Л.Х. *Между реализмом и постмодернизмом: Переходные явления в русской прозе конца XX века*. Казань: Казанский государственный университет; 2010.

References

1. Krasilnikov R.L. *Thanatological motives in fiction*: dis. ... doct. philol. sciences. M.; 2011. (In Russ.)
2. Isupov K.G. Russian philosophical thanatology. *Questions of Philosophy*. 1994; 3:104–116. (In Russ.)
3. Paley M. *Wind Deposit: Novellas and Stories*. SPb: Limbus Press; 1998. (In Russ.)
4. Nasrutdinova L.H. *Between Realism and Postmodernism: Transitional phenomena in Russian prose of the late twentieth century*. Kazan: Kazanskij gosudarstvennyj universitet; 2010. (In Russ.)

Авто публикации

Махинина Наталья Георгиевна –
кандидат филологических наук, доцент
Казанский федеральный университет
Казань, Россия

Email: mahinin@rambler.ru
<http://orcid.org/0000-0003-3239-2726>

Насрутдинова Лилия Харисовна –
кандидат филологических наук, доцент
Казанский федеральный университет
Казань, Россия

Email: Lilija_nasrutdin@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0002-5406-7636>

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 17.11.2022
Одобрена после рецензирования: 20.02.2023
Принята к публикации: 28.02.2023

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Author of the publication

Makhinina Natalia Georgievna
PhD in Philology, Associate Professor
Kazan Federal University
Kazan, Russia

Email: mahinin@rambler.ru
<http://orcid.org/0000-0003-3239-2726>

Nasrutdinova Lilia Harisovna –
PhD in Philology, Associate Professor
Kazan Federal University
Kazan, Russia

E-mail: Lilija_nasrutdin@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0002-5406-7636>

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 17.11.2022
Approved after peer reviewing: 20.02.2023
Accepted for publication: 28.02.2023

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.